

STUDIA PHILOLOGICA

SERIES MINOR

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Введение: Пастернак сквозь призму языка	11
I. Основные типы работы с идиоматикой	21
<i>Простые случаи обыгрывания идиом</i>	21
<i>Сложные случаи обыгрывания идиом</i>	26
Семантизация и десемантизация	29
Частичное проявление идиомы	36
Дублеты	51
Контаминация	58
Идиоматика в поэзии vs. фразеология в письменном языке и речи	68
II. Идиоматический комментарий к строфам «Сестры моей — жизни»	74
III. Анализ текстов	121
Наша гроза	121
Mein Liebchen, was willst du noch mehr?	131
Мухи мучкапской чайной	140
Заключение: Пастернак, Мандельштам и эволюция поэтического языка модернизма	158
Литература	167
Указатель стихотворений Пастернака	174

*Решаю ребусы Бориса Пастернака.
О, как в них непонятное понятно,
понятное непонятно.*

Ян Сатуновский (1975)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга посвящена роли идиоматики в поэзии Пастернака. В качестве иллюстративного материала мы выбрали хрестоматийный сборник — «Сестра моя — жизнь», однако основные положения работы могут быть применены и к другим стихам до «Второго рождения». Если коротко формулировать нашу цель, то она заключалась в том, чтобы показать, что поэтика Пастернака пронизана обыгрыванием идиоматики на самых разных уровнях. Она, по сути, выступает особым материалом поэтической речи, из которой создаются высказывания разного уровня сложности, и именно ей часто (но не всегда!) объясняются темные места поэтики Пастернака. Опираясь на уже сделанные исследователями наблюдения и добавив множество новых, мы предлагаем последовательное систематическое описание роли идиоматики в «Сестре моей — жизни», начиная с простых очевидных примеров и заканчивая прочтением отдельных сложных текстов сборника. Анализ идиоматики у Пастернака позволяет выявить языковые механизмы «темного» модернизма, в частности сопоставить Пастернака с Мандельштамом на новых основаниях.

Работа состоит из нескольких разделов. Во *Введении* мы оговариваем методологию работы, обосновывая необходимость анализа идиоматики у Пастернака, и даем краткий

обзор литературы. Первый раздел — *Основные типы работы с идиоматикой* — призван очертить главные, «чистые» приемы обыгрывания готовых элементов языка. Его задача — предложить читателю классификацию основных типов работы с фразеологией и объяснить связанные с ними семантические эффекты. Эта часть книги несколько раз ветвится: сначала рассматриваются в качестве отдельного класса простые случаи, затем — сложные, причем внутри сложных случаев выделяется несколько групп. Каждая группа сопровождается примерами, иногда штучными, в некоторых случаях — многочисленными. Первый раздел завершается сопоставлением приемов работы с идиоматикой у Пастернака с фразеологическими трансформациями в языке.

Во второй части — *Идиоматический комментарий к строфам «Сестры моей — жизни»* — идиоматика анализируется не в минимальном контексте 1–2 строк, а в рамках одной или нескольких строф. Такой ракурс позволяет увидеть работу Пастернака с языком в «естественных условиях» стихотворения и показать, как возникают многие сложные метафоры и темные смыслы. В отличие от чистых примеров начала книги, в конкретных фрагментах мы, как правило, сталкиваемся с напластованием идиоматических трансформаций и модификаций.

Третий раздел книги — *Анализ текстов* — посвящен монографическому анализу трех хрестоматийных стихотворений сборника Пастернака: «Наша гроза», «Mein Liebchen, was willst du noch mehr?» и «Мухи мучкапской чайной». Свою задачу мы видели в том, чтобы на примере этих стихов дать целостный анализ фразеологического плана, то есть показать, как Пастернак виртуозно препарирует готовые элементы языка от начала до конца стихотворения. Вместе с тем анализ целых стихотворений позволяет выявить и ограничения выбранного подхода.

Наконец, в *Заключении* мы, во-первых, обращаемся к сопоставлению Пастернака и Мандельштама, которые, даже с учетом всех оговорок, в методологическом ракурсе нашей

работы парадоксально оказываются очень близкими поэтами. Во-вторых — к **эволюции** поэзии русского модернизма. Поскольку за конкретными примерами и разборами стихов главный вывод может потеряться, выскажем его здесь: плотность обыгрывания идиоматики у Пастернака, как и у Мандельштама, позволяет утверждать, что в эволюции поэтического языка модернизма именно идиоматика играла одну из главных ролей.

ВВЕДЕНИЕ: ПАСТЕРНАК СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА

«Сестра моя — жизнь» (1922; далее СМЖ) — один из самых каноничных поэтических сборников — до сих пор волнует любителей поэзии и ее исследователей. Уже не одно поколение читателей захватывает головокружительная поэтика СМЖ, а литературоведы не одно десятилетие стараются уточнить ее особенности и описать ее смысл, сосредотачиваясь на разборе как отдельных стихотворений, так и всей книги. Объяснительные модели базируются на разных подходах и предпосылках: это и акцент на историческом контексте и биографических обстоятельствах, и анализ тем и мотивов книги [Platt 1999; Cierpella 1999; Пастернак Е. 1999; Жолковский 2011: 117–148], и интертекстуальная парадигма [Смирнов 1995], и формальное описание особенностей стиля СМЖ — от частотного словаря до синтаксиса [Левин 1966; Баевский, Романова 2008]. Особую популярность снискал жанр комментария к СМЖ, в рамках которого — текст за текстом — формализуется поэтика стихотворения (тропы, строфика, рифмовка, размеры), а также предлагается объяснение его смыслового развития за счет восстановления пропущенных звеньев и перевода оригинальной авторской семантики на общелитературный язык, иногда с учетом литературной традиции [O'Connor 1988; МГ, ИП 2008; Бройтман 2007]. Такое медленное чтение само по себе предполагает внимание к языку Пастернака. Однако несмотря

на множество основательных работ о СМЖ идиоматические механизмы, лежащие в основе сложных, а подчас и загадочных метафор, не получили должного освещения¹.

Конечно, многие особенности поэтического языка Пастернака описаны в работах, позднее ставших классическими². Хотя они специально не концентрируются на фразеологии, некоторые выделенные исследователями паттерны непосредственно связаны с нашей темой.

В первую очередь необходимо вспомнить важную статью Ю. М. Лотмана «Стихотворения раннего Пастернака. Некоторые вопросы структурного изучения текста» (1969). Лотман постулирует, что для поэтики Пастернака характерно снятие ограничений на сочетаемость слов на семантическом

---

¹ Поскольку Гаспаров, как совместно с Подгаецкой, так и самостоятельно, рассмотрел значительную часть стихов СМЖ, а О'Коннор и Бройтман — весь корпус текстов книги, постоянные ссылки на эти работы утяжелили бы текст нашей работы. Мы с благодарностью учитывали опыт исследователей, но решили сослаться на их наблюдения в случае, если они затрагивают язык Пастернака и предлагают лингвистические объяснения семантики, а также тогда, когда обсуждение смысловых нюансов принципиально важно и для наших построений. Заинтересованный читатель (исследователь) легко сможет сравнить предложенные в книге соображения и наблюдения с уже сделанными.

² С подачи Р. О. Якобсона [1987] многие литературоведы анализировали метонимию в языке Пастернака. А. К. Жолковский [2011] последовательно объяснял связь поэтического мира и языка поэта (наречия, синтаксис). М. Ю. Лотман [1996] исследовал глагольную поэтику Пастернака по контрасту с поэтикой существительных у Мандельштама. Лингвистический анализ темных мест и неожиданных поэтических ходов предпринимался как лингвистами, так и литературоведами [Левин 1966; Фатеева 1995; Ковтунова 1995]. Уделялось внимание грамматической неопределенности и эллипсисам в поэтике Пастернака, а также сдвигам и нарушениям языковой нормы [Левин 1966; Юнгрен 1982; Кнорина 1982; Ковтунова 1990; Иванов 2015: 528–539]. Укажем также на диссертацию Е. Некрасовой [1985], в которой раздел о сравнениях у Пастернака содержит множество тонких и важных наблюдений об устройстве поэтической семантики и основных принципах организации смысловых рядов в стихах поэта.

уровне. Это порождает особый поэтический язык, нарушающий целый ряд норм: прежде всего, нормы, обеспечивающие правильность с точки зрения естественного языка, и нормы, обеспечивающие правильность с точки зрения «здорового смысла». По Лотману, Пастернак последовательно занят тем, что разрушает «рутину привычных представлений и господствующих в языке семантических связей», и эта борьба с «фикциями языка во имя реальности, прежде всего, опирается на представление о том, что отдельность предметов порождена языковыми схемами» [Лотман 1969/2001: 707].

Преодоление языковой и как следствие мировоззренческой инерции Лотман объясняет «сознательной заменой» одних (ожидаемых) денотатов другими. Вместо *оплывает свеча* у Пастернака появляются «оплывает печать», «оплывают слова», «оплывающая книга» [Там же: 707]. Иногда исследователь объясняет выявленный принцип фразеологией. Количество фразеологических примеров в статье можно пересчитать по пальцам. Так, в стихе «Дай застыть обломком о тебе» соединяются выражения *обломок тебя* (чего?) и *память о тебе* (о ком?) [Там же: 713, прим. 1]. На самом деле, как мы покажем ниже, идиоматических примеров у Пастернака значительно больше. Здесь же отметим, что само нарушение языковой нормы, столь принципиальное для поэта, возможно отследить, обращаясь именно к готовым, зафиксированным в языке конструкциям и словосочетаниям. Подобные нарушения нормы попадали в сферу внимания лингвистов и литературоведов с лингвистическими интересами.

Так, И. И. Ковтунова, разбирая сравнения у Пастернака, отмечала, что для поэта характерен прием «расчленения устойчивого словосочетания, приобретающего в тексте, помимо общеязыкового, индивидуальное метафорическое значение». Один из вариантов реализации этого приема заключается в том, что «имя остается в сравнении, а глагол переносится в предмет сравнения и вступает в необычное сочетание с другим именем», как, например, в строке «Стучатся опавшие годы, как листья» [Ковтунова 1995: 165, 166]. Другой

вариант — повторение глагола, но уже в неожиданном значении, как в строках «Тревога подула с грядущего, / Как с юга дует сирокко» [Ковтунова 1995: 167]³. В цитатах важно обратить внимание на то, что неожиданная семантика возникает за счет непривычного заполнения валентностей глаголов, однако само переживание неожиданности возможно за счет обыгрывания фразеологии в широком смысле: без знания «готовых элементов» языка — *дует ветер, опавшие листья* — читатель не смог бы почувствовать языковой сдвиг.

Аналогичным образом объясняются введенные Ю. И. Левиным «атопоконструкции» — такие словесные ряды, члены которых семантически несовместимы; эта несовместимость приводит к смысловому усложнению. Так происходит, например, в строке «Терять язык, абонемент» [Левин 1966: 214]. Эффект несовместимости (или сложной, обыгранной совместимости элементов) возникает только за счет того, что в языке есть фразеологизм *потерять язык*. С нашей точки зрения, такого рода многочисленные примеры целесообразнее объяснять именно через общеязыковую идиоматику.

Отдельно стоит выделить статью М. И. Шапира [2004], посвященную несколько другому феномену — авторской глухоте, которая, по мысли исследователя, является следствием установки на «непринужденную авторскую речь». Однако очень многие его примеры обнаруживают в своей основе трансформацию фразеологии. Например, если Шапир считал строки «Не распускай слюнями жижу» и «Я помню ночь, и помню друга в краске» поэтической неточностью, то для нас, напротив, важно, что в их основе лежит трансформация идиом, ср. *распускать / распустить слюни, вогнать кого-либо в краску*⁴.

---

³ Сходные эффекты, по наблюдениям исследовательницы, возникают и от работы Пастернака с прилагательными.

⁴ Яркая и многократно обсуждавшаяся концепция Шапира, с нашей точки зрения, нуждается в корректировках, однако, поскольку в его

Хотя в исследовательской литературе набирается корпус примеров, в которых фразеология служит основой оригинальных метафор, ее роль и место в стихах Пастернака не до конца объяснены. Насколько частотно она трансформируется, есть ли какие-то закономерности в приемах работы с ней, образует ли игра с идиоматикой последовательную систему?

В этом контексте стоит назвать работы, сфокусированные непосредственно на фразеологии у Пастернака [Василенко 2015; Кузнецова 2009], причем отдельно выделим главу диссертации Г. Н. Гиржевой [1991: 90–126]. В отличие от названных выше филологов, этих исследователей интересует не столько соотношение языка и смысла, не столько поэтика, сколько строгое лингвистическое описание употреблений фразеологии и ее легких трансформаций. С нашей точки зрения, в этих работах достаточно простые и подчас очевидные случаи описываются чрезмерно педантично, а действительно сложные примеры не затрагиваются. Значимое исключение — книга Роберты Сальваторе о поэтике ранней лирики Пастернака. В ней, в частности, отдельный раздел посвящен лингвистическому аспекту метафор и трансформации фразеологии [Salvatore 2014: 50–55]. Помимо блестящих точечных наблюдений, в книге итальянской исследовательницы обнаруживается и глубокая рефлексия над тем, какую функцию несет трансформация идиоматики у Пастернака.

В рамках настоящей работы идиоматику мы понимаем предельно широко — как существенный пласт литературного языка, состоящий из «готовых элементов»: коллокации (фраземы) и идиомы (фразеологизмы), а также афоризмы, пословицы, поговорки и другие провербиальные образования⁵. К идиоматике относятся и лексические функции

статье примеры из СМЖ минимальны, мы надеемся обсудить подход Шапира в отдельном исследовании, работая с теми же примерами.

⁵ В таком широком понимании идиоматики мы, в частности, опираемся на фразеологическую теорию А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [2008].